

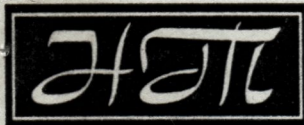
ЖЭТ

100

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

2'98

2'98

Выходит один раз в три месяца.
Основан в январе 1995 г.

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

*Теоретический,
научно-популярный
и информационный журнал*

Главный редактор
М. Х. Хасанов

Редакционная коллегия:

С. Х. Алишев
Н. Х. Амиров
А. И. Афанасьев
(зам. гл. редактора)
Н. Н. Ведерников
А. М. Галеев
Л. П. Зарипова
Ю. Г. Коноплев
Р. Х. Муслимов
Г. В. Мухаметзянова
Р. С. Сайфуллин
Н. А. Сахибуллин
И. А. Тарчевский
И. Б. Хайбуллин
Ф. Г. Хамидуллин

Редакторы

М. Ф. Хабибуллин,
Г. В. Некрылова

Художник

Г. Е. Трифонов

Технический редактор

В. Н. Галкина

Корректор

В. П. Лашенова

*Компьютерная верстка
и графика:*

А. Ж. Сахабутдинов

Телефоны редакции:

Главный редактор: 32-40-34

Заместитель главного

редактора: 57-12-26

email: n_t@ant.ksc.iasnet.com

Подписано к печати 6.07.98.

Формат бумаги 70×108^{1/8}

Офсетная печать

Объем 6,0 печатных листов

Усл. печ. листов 8,4

Тираж 1000 экз. ТГЖИ

Адрес редакции: 420044,

Казань, ул. Волгоградская, 49.

*В розничной торговле цена
свободная*

Учредитель – Президиум Академии наук Татарстана
Зарегистрирован в Министерстве информации и печати
Республики Татарстан 5 января 1995 года. Регистрационный № 380

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.Х.Мухаметшин. Поступательное развитие
реформ – наша ключевая задача. 3

Поиски. Открытия. Гипотезы

А.А.Озол. Раскрывая тайны геохимических
процессов. 20

Ш.З.Гафуров, Н.С.Гатиятуллин, Р.Р.Хасанов.
Геолого-экономическая оценка угольных
залегей на территории РТ. 26

А.А.Имамов, А.Г.Авдеева. Гербициды: эколо-
гические аспекты проявления. 30

Социология

В.В.Иванов, Ю.Ю.Комлев, Л.Г.Толчинский.
"Челночный" бизнес: итоги одного исследования. 34

Проблемы образования

Г.В.Мухаметзянова. Система профессионального
образования: пути реформирования. 41

Методология науки

А.Ш.Кабирова, А.А.Розовский. История
Татарстана: цивилизационная парадигма. 48

Наследие

Ю.В.Павлов. Жемчужина Древнего Кремля. 55

Наши юбиляры

Ступени восхождения 60

Приумножая достижения

отечественной рентгенологии 61

У ректора – золотой юбилей. 62

Литературоведение

М.Сафин. Поэзия природы. 63

Наши юбиляры

Старейшина академической науки. 73

Его девиз: науке нужны не догмы, а факты. ... 74

Крупный исследователь военной теории

и военной истории. 75

МАНСУР САФИН
ПОЭЗИЯ ПРИРОДЫ
(Система пейзажных образов
в творчестве татарских поэтов)

*Не чудо ли творит весна с тобою?!
Крылами оснащаются мечты,
Подобно ивам, кажется, и ты
Сам начинаешь обрывать листвою.*

Хасан Туфан

Наверное, с самых первых строк древних поэтов стали зарождаться этические и эстетические позиции писателя по отношению к природе, особенно с тех пор, когда природа стала объектом художественного изображения, а не только символом душевного состояния героев. И первые пейзажные образы наблюдаются уже в творчестве таких поэтов Волжской Булгарии, как Ахмет Ясави, Сулейман Батыргани, Насретдин Рабгузи. Много их и в знаменитом “Сказании о Йусуфе” (“Кыйссаи Йосыф”) Кул Гали. Каждая национальная литература веками вырабатывала и имеет свою систему излюбленных мотивов, отражающих ее эстетическое своеобразие. Это ярко выражено в литературе Запада: например, существуют фундаментальные исследования об образе ручья во французской поэзии, об образе леса – в немецкой, моря – в английской и другие. Татарская же литература, в частности, татарская поэзия в этой области изучена слабо. До сих пор традиционно больше внимания уделялось в ней типическим образам человека и почти забывалась первостепенная роль образов природы, в то время как именно через образы природы проявляются национальные особенности любой литературы.

Не могу не отметить, что недавно вышел первый том долгожданного трехтомника “Татарской мифологии”, подготовленный ученым и писателем Галимзяном Гильмановым. По сути дела, это единственное и достаточно полное исследование мифологии татар с древних времен до современности, где речь в основном идет только о природе. Так что этот ценнейший труд является одним из богатейших кладов поэзии природы.

Поэзия всегда была связующим звеном между природой и остальным миром. О чем бы ни стремился написать поэт, ничто не заменяло и не могло заменить ему образов, почерпнутых из самой природы: “огонь”, “мороз”, “солнце”, “луч” – все находило поэтическое отображение. И не случайно поэзия ныне выполняет отчасти ту функцию, которую некогда выполняла мифология, – представляет мир человека в его гармонии с природой.

Возникает естественный вопрос: а можно ли исследовать поэтические воззрения целого народа на природу, если оно выражено бескрайним океаном поэзии? Прежде всего сложность этого исследования состоит в том, что у каждого поэта свой, характерный только для него, образ природы и между индивидуальными стилями поэтов существуют ощутимые различия, которые не так заметны были в эпоху сложения народом своих мифов и фольклора (являлись выражением коллективного творческого сознания и не наделялись заметными авторскими индивидуальностями). Однако, несмотря на то, что каждый поэтический текст Нового времени (фактически, вся письменная поэзия татар) индивидуален, все же на более высоком, более широком уровне всей национальной поэзии как единого произведения – МЕГАТЕКСТА – существует объединяющая их целостность. Конечно, она проявляется уже не в рамках отдельно взятых поэтических текстов, а во всей их совокупности, составляющих национальную поэзию. При этом отдельный исследователь может реально приблизиться к такому масштабу восприятия мегатекста лишь в какой-либо узкой области, например, в рассмотрении пейзажной лирики, как в нашем конкретном случае.

На этом уровне (при рассмотрении мегатекста) открываются удивительные закономерности в море поэзии: становятся заметными все те сходства и взаимозависимости разных авторов, сочиняющих свои единичные, индивидуальные тексты, но принадлежащих сознанию целого народа. Если позволяет широта обзора, то мы явственно увидим, что между разрозненными мотивами стихов существуют линии притяжения, вокруг которых группируется наибольшее количество образов. Причем мегатекст становится чем-то похожим на карту звездного неба: среди хаоса Галактики то там, то здесь наблюдаются галактические туманности (уплотненные ядра), сосредоточивающие в себе определенную массу поэтического образного вещества. Если таким образом рассмотрим все множество поэтических образов национальной поэзии, относящихся к какому-либо одному мотиву (например, коню или закату), то увидим своего рода “звездную систему” с уплотнениями поэтического вещества, где совпадают (или имеют сходства) многие индивидуальные образы. В этой “звездной системе” будут также и разреженные области, в которых образы один от другого заметно удалены.

Образы, которые, многократно варьируясь, приобретают общенациональную распространенность и характерность, принято называть ТОПОСОМ. Например: “береза-девушка”, “береза-мать”, “береза-Отчизна”, “береза-грусть”. Топос – это “общее место” ряда индивидуальных поэтических образов, объединяющее их смысловым и структурным ядром. Таким образом, целостный национальный образ природы можно установить путем сопоставления множества индивидуальных образов (нахождением образных универсалий). Раскрытие общего и универсального в конкретных образах – следующая, более высокая ступень творческого познания мира. Для таких исследований пейзажные мотивы вполне благоприятны, в них даже во множестве индивидуальных стилей все-таки сохраняется единство национального поэтического сознания. Как бы ни менялись экономика, политика, уклад жизни людей, но природа в своих основных чертах остается неизменной и является тем общим, что объединяет современных поэтов с Дэрдмендом, Кулмухаммедом, Тукаем, Такташем. Если природа и изменяется, то незначительно, являясь тем самым носителем образного единства и хранительницей (одновременно) фольклорно-мифологического духа национальной поэзии.

Немаловажно учесть и то, что анализ пейзажных мотивов в творчестве поэтов помогает понять не только национальную особенность татарской поэзии, но и ее историческое движение, так как эти мотивы как бы сами стоят вне истории, а ведь перемены становятся очевидными на фоне чего-то неизменного (в нашем случае – природы). Причем, если деревья изображаются чуть по-иному у Ильдара Юзеева, чем у Тукая, то это не деревья измени-

лись, а заметно изменилась система поэтического мышления – от одной эпохи к другой, что вполне естественно. Вот таким-то прочувствованием особенностей индивидуального видения мира и можно вывести одинаковое для всех поэтов: неизменность великолепия зимы и лета, цветка и звезды!..

Таким образом, предмет исследования настоящей статьи – не единичные произведения поэтов, а мегатекст – поэтическая книга всего татарского народа, посвященная природе. В этом пейзажном “сверхпроизведении” автор постарался включить в поле своих исследований как великих и крупных поэтов, так и поэтов второстепенных, так как только учитывая все богатство их замыслов, идей, относящихся к тому или иному мотиву, можно в полной достоверности осмыслить оригинальность или традиционность того или иного поэта.

Итак, окунемся в галактику пейзажных образов в творчестве татарских поэтов, однако не забудем, что статья не претендует на полный охват темы по той простой причине, что не все даже значительные татарские поэты пока еще переведены на русский язык. Но вместе с тем в статье показаны возможные пути теоретического осмысления темы, предполагая самостоятельную работу и активное сотворчество заинтересованного читателя.

ЛИРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ

Татарская поэзия очень богата размышлениями о жизни природы и в этом отношении сравнима с величайшими поэзиями мира: арабской, китайской, английской, японской, русской...

Как известно, поэзию от всякой иной речи отличают упорядоченное чередование ударных и безударных слогов, периодическое повторение одних и тех же звуков (аллитерации, ассонансы, рифмы) и это своеобразие поэтической речи (белые стихи – не исключение) находит свои прообразы в окружающей человека природе: в пении птиц, в шуме ветра, в шуршании листьев, в раскатах грома и других явлениях.

Этот лес благоуханный шире моря, выше туч, –
Словно войско Чингисхана, многошумен и могуч.

Г.Тукай. Перевод С.Липкина

Строй идет через лес, через топь,
Дождь – по каскам,
А кажется – дробь.

Э.Маликов. Перевод Л.Щеглова

Листва смеялась, листва ревновала
Меня к дождю осеннему опять...

З.Гумерова. Перевод М.Сафина

Не только общую гармонию природы воспринимают многие поэты в окружающей их жизни, но конкретный поэтический размер, отзвуки которого входят в их строки:

Ямб о берег отбивают волны
И, как строчка –
Каждая волна.

Ф.Карим. Перевод Б.Дубровина

Безукоризненно, как строчки сонета,
Ложится снежинка к снежинке, лучась!

М.Хусаин. Перевод *М.Загорского*

Да, это вполне естественно, что поэтические размеры вполне органично находят себе место в музыке природы и поэтому нет ничего удивительного в том, что ветви рябины колышутся в лад плавному амфибрахию, а гром проходит по небу раздраженным ямбом. Ведь всегда между поэзией и природой существует избирательное средство, посредством которого поэт находит свой заветный источник вдохновения. К тому же поэт обычно представляется странником со столь же первозданной душой, как и у природы, оттого-то лишь с ней он может найти общий язык.

Поэтам нужно жизни смысл найти,
чтоб собственную краткую – наполнить.
Еще им нужно землю обойти,
как странникам, – чтоб лучше все запомнить.

И.Юзеев. Перевод *Н.Новикова*

Ты на земле, глядишь на землю... Как понять?
Ты вспыхнул, увидев святых небес тетрадь.

Дэрдменд. Перевод *С.Липкина*

Конечно же, не только свои ритмы и строки (песни) находит поэзия в природе, но ощущает, находит и тот необходимый дух естественности, неповторимости, которым сама дышит. Поэтому природа входит в самую суть поэзии, в ее ткань и отличает стихотворчество от других видов творческой деятельности своей близостью к стихии, к голосам, к запахам... Ведь, что ни говори, а природа поэзии – это обнаженная природность нашей высокой культуры, о чем прекрасно написал наш современник Равиль Файзуллин:

Стирание граней всех горизонтов,
вживание мира в один сплошной цвет –
это победа Природы!
Великий ее триумф!

Мы так же слитно единым бываем
в счастливые дни нашей стремительной жизни,
в какие-то божественные часы...

Перевод *В.Цыбина*

Еще великий Кул Гали находил вдохновляющие поэзию мотивы в пении соловья, обращаясь к нему с молитвенной благодарностью. Ему вторил Тукай: “Пора, пора, расправь крыла и ввысь взлети, ликуя, // С рождения к светлым небесам стремящееся сердце!” Вешней птице уподобляет душу поэта и другой наш современник:

Крылом какая птица не взмахнет?
Что за душа, коль на просторе
Она услады в песне не найдет?

Зия Мансур. Перевод *А.Никифорова*

Таким образом, лишней раз подтверждается то, что духовное единство природы и поэзии неразрывно, что сама поэзия – это второе “я” природы и всего лишь ответ на ее потребность “обрести язык”! А каким бы совершенным ни был язык, он не сможет со всей точностью передать тончайшие нюансы природных явлений, “переживаний” природы – поэтому иногда стихи авторам кажутся недостаточно законченными, какими-то призрачно упорядоченными, рассудочными, слишком рациональными в сравнении с

теми мучительными мгновениями самовыражения, которые он ощущает в попытках сказать своими словами о том, о чем поведала ему природа, стихия чувств. Поэтому поэт ищет:

Я иду...Мне это надо, надо –
знать, что солнцу над землей блистать!
В солнце окунуть перо мне надо,
чтобы песню для людей создать.

Я.Игней. Перевод *Н.Беллева*

Только через поэзию возможен этот перевод языка природы в язык человеческий: Плачут в клетках соловьи, //Плачут в стойлах кони.//Плачут тучи у земли// От цыганской доли...” (Г.Муратов. Перевод М.Загорского).

Особенно тесная связь существует между поэзией и национальной природой. Одним из первых это в полной мере своего таланта ощутил Акмулла:

...Я к воронам попал, познал тоски предел,
Спасите нас, друзья, ужасен наш удел.
Я над стремнинами летел, как аргамак,
Крутого берега теперь не одолел.

Перевод *С.Липкина*

Однако душа поэта не просто откликается на голоса природы, но и стремится стать ее частью в излюбленных народом образах:

Был бы я птицей, – прославлял бы
Труд и ремесла зимой и весной,
Позабыв и сон, и покой!..

Г.Чокрый. Перевод *М.Сафина*

При этом поэт, достигший высшей степени раскрытия таланта, не возносится над природой, а напротив, как бы “укореняется” в ней, становится равноправной ее частицей. Естественно, что поэзия может стать частью природы лишь тогда, когда несет ей нечто недостающее, тем самым, в каком-то смысле, обогащает своей сыновней любовью:

Месяц в небе разыгрался.
Первенец озяб, наверно,–
На него бы одеяло...
Да не хватит одеял.

К.Сибгатуллин. Перевод *А.Зорина*

Эта двоякость отношений поэзии и природы не может жить без гармонии всей “звездной системы” – спектра чувств и слов. Кем бы ни являлась природа для поэта – помощницей или соперницей, наставницей или ученицей, именно по отношению к ней поэзия в полной мере осознает всю свою насущность и неординарность, необходимость и своеобразность.

Природа в своей чувственной непосредственности заставляет художественный язык поэтических абстракций, проникая в ее тайны, неотвратимо приобретать свойства образной речи, которая своими корнями врастает в мир природы. Ведь такие предельно “неразложимые” понятия, как “вода”, “небо”, “свет”, “ветер”, являются весьма конкретными представлениями для человека и, используя как на языке поэзии, так и на языке философии, тем самым роднят их друг с другом. По сути дела, поэзия становится философской, а философия – поэтической. По мере того, как поэзия по-

стигает сущность природных явлений и философия углубляется в причинность природных сущностей, все более и более растет значение размышляющей (медиативной) лирики, которая достигает заметных высот в творчестве таких поэтов, как Утыз Имяни, Мавля Колый, Г.Кандалый, Ш.Бабич, Ш.Маннур, М.Аглямов.

Конечно же, в философской природе так или иначе ставятся те самые вопросы, которые издревле ставила философия. Несомненно, первым из них является вопрос о родственности и враждебности природных начал к душе человеческой: духовна ли сущность природы, есть ли в ней разумное начало или же она бездушна и бессмысленна в своем могуществе? Есть ли в ней что-то мыслящее?

Философская лирика татарских поэтов прошла несколько этапов в разрешении этих вопросов. И, начиная с поэзии средневековья, они трактовались одинаково: человек и природа созданы одним благим (космическим) Разумом, одной благой Волей и поэтому они живут и должны жить в гармонии. В каждом явлении природы заложен благоразумный замысел существования и все предусмотрено в соответствии с потребностями человека. Это, естественно, вызывает в человеке мысли о Сверхчеловеческом начале безупречно организованного космоса (о Всевышнем, Тенгре), загадочным образом умеющим управлять всей этой громадой жизненного круговорота. Вот такие догадки рождает они у поэтов разных времен:

Мир этот – все пережив,
жизней людских алкающий;
Мир этот – смерти вином
в темень свою увлекающий;
Всех – и тебя, Кулшариф, –
с предками тесно сплетающий,
В холод объятья вобрав,
вечным покоем братающий-
Мир этот...

Кул Шариф. Перевод *М.Сафина*

В цветах – Земля. Ветры – нежны. Синеют небеса.
И для кого-то целый мир – как ранняя весна.
Но – радуйся или страдай – мне грустно, потому
что Время смотрит свысока. И все равно ему...

Р.Файзуллин. Перевод *А.Руденко*

Держа на крыльях
Философский камень,
Мир освещает птица Симруг...

Нияз Валиев. Перевод *М.С.*

В этих стихах природа выступает как объект откровения о высшем Разуме. Такой взгляд характерен многим поэтам как прошлого, так и современности. При этом вырисовываются две концепции отношений человека и природы: одни находят высшую мудрость мира в жизни человека в согласии с природой, другие же живут в мучительном противоречии души и природы. Первая концепция весьма характерна для Шауката Галиева: "Земля моя! Страдая и любя, // К тебе я близок так, что сердцу больно". (Перевод В.Михановского). Однако и ему, и С.Хакиму, Рашиту Ахметзянову, Ф.Сафину, Ахсану Баянову, Р.Харису не дают покоя всеусложняющиеся отношения между человеком и природой.

На камне – цветы...
О, как часто, бывало,
мы губы сухие
от фляг отрывали
и каплей последней
цветы поливали.
Но вот я увидел,
что эти же камни
змеиные гнезда
от нас укрывали...

Р.Ахметзянов. Перевод *М.С.*

Но все же многие поэты делают в своем творчестве и дальнейший шаг в своем мировидении- призывают людей воссоединиться с “жестокосердной” природой, совершив подвиг самопожертвования ради гармонии с природой:

Птица одна мне поет:
Все равно
Счастья нет!
И крыло отряхает.
А другая:
– Взгляни-ка в окно,
Видишь ?
Радость тебя ожидает!

Марс Шабаев. Перевод *Г.Фролова*

Впрочем, в начале нашего столетия начинается эпоха так называемой “утопической” концепции отношения человека к природе, когда поэты перед человечеством ставят задачу: силой и разумом миллионов сотворить новое небо и землю!.. наивно полагая, что грянувший научно-технический прогресс станет новым дирижером природы. Одним из певцов этого стал Хади Такташ:

Я родился, чтоб таинственным звоном
песен моих разнестись по стране,
Чтоб мир потрясти!.. О, да, все мощнее
Байрона дух оживает во мне.
Настанет день: в небе жизни темной
звездами слезы мои заблестят,
От звуков моих вдохновенных песен
весь край расцветет, как весенний сад...
Тогда, откликаясь на зов мой могучий,
и небеса, и земля задрожат!

Перевод *С.Северцева*

И вот уже в семидесятых-девяностых годах XX века зарождается и господствует представление о природе как о высшей мере вещей, которой человек должен руководствоваться в своих делах – это своего рода экологическая философская лирика. Именно такое представление дает полное осознание человеком своего союза с природой и тем самым гармонии поэзии и природы:

Пусть рваться в дальние края
Моя душа не перестанет,
Пусть в море жизни-жизнь моя
Хотя б одной волною станет!

Ш.Мюдаррис. Перевод *В.Гончарова*

ОБРАЗЫ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ

Рассматривая, как мы условились, всю татарскую поэзию как единую книгу-мегатекст, мы можем найти в ней устойчивые пейзажные образы, которые принадлежат поэтическому сознанию всего народа (по мегатексту), отображая его коллективное восприятие природы. Взяв один устойчивый образ мегатекста, мы можем объединить вокруг него произведения разных авторов, использовавших этот образ, и создать образное единство как бы нового целостного произведения. Используем, к примеру, образ "снег" в некотором множестве поэтических произведений:

За окнами снега белеют.

Вновь открылась
страница первая зимы,
еще пустая.

Роберт Ахметжанов. Перевод *И.Шевелевой*

Такая ночь полна самозабвенья.

Дрожит, как пена, легкий, мягкий снег:
От первого вспорхнет он дуновенья.

А.Ерикеев. Перевод *С.Липкина*

Белый мягкий свет домов —

В речке белое струенье.

Белоснежные кусты

Белой вспыхнувшей сирени.

М.Садри. Перевод *Г.Корина*

Я покорной снежинкой не таю

На твоих соболиных бровях...

Э.Давыдов. Перевод *Р.Морана*

И усиливается стократ

Синее сиянье,

И снежинки зазвенят,

Как воспоминанья!

Р.Миннуллин. Перевод *В.Коркия*

Итак, здесь наглядно видно, как из пяти повторяющихся определений образуется новое образное единство этого нового "сборного" поэтического произведения. Таких примеров можно привести большое множество.

ОБРАЗАМ ДЕРЕВЬЕВ в татарской поэзии принадлежит важная роль, что идет еще от фольклорно-обрядовых традиций далекого язычества и тесно связано с многовековым укладом земледельческой жизни болгаро-татар. Дерево издревле характеризовало не только высоту и глубину (душевную), но и выступало как символ памяти и надежды на будущее.

...Много бурь пронеслось над страной,

Но, как дуб несгибаемый тот,

Несгибаем и кряжист народ

На земле многотрудной родной!

Г.Афзал. Перевод *С.Поликарпова*

Упавшее дерево плыло в реке,

В стремнине судьбы-потока,

Зажав в корневище, как в руке,
Комочек земли одинокий...

Я.Игеней. Перевод *М.С.*

Здесь никнут знакомые ивы,
Здесь ждет меня юность моя...

Б.Рафиков. Перевод *С.Борисова*

Дерево простирается от родника, вьющегося как сердце из глубины земли до высокого неба, где поет жаворонок и связует все это своей непрерывно растущей плотью. Поэтому с сыновней любовью пишет и Муса Джалиль: "Защищал нас ветвями от ветра// И от ливней умел укрывать". (Перевод В.Тушновой). Из этого исходит также образ дерева – символ вечности:

Глубокая дума – начало зеленого шума...
Из плодоносящей, из жизнью насыщенной мглы
Сквозь бури свирепые тянутся к небу стволы.

Ш.Маннапов. Перевод *В.Евпатова*

Многие поэты ставили перед собой задачу обратить умственный взор и нравственное самосознание человека на деревья – как прообраз жизненного совершенства и творческого изобилия... Но были, конечно же, чувства и пронзительного одиночества, ощущения человека, заброшенного в прекрасный, но чуждый мир (у поэтов Д.Сирая, М.Хусаина, Г.Хузи и других).

Заметим, что каждое дерево имеет свой обобщенный смысл, свое поэтическое своеобразие и этим объясняется разная частота их применения в стихах, меняющаяся в зависимости и от эпохи. Исходя из статистических данных, проведенных как мной, так и некоторыми известными литературоведами, выходит, что на первом месте стоит, безусловно, образ березы. Далее идут дуб, сосна, ива, чуть реже – рябина, ель, клен, калина. Из плодоносящих деревьев: яблоня, черемуха, вишня и так далее, по спадающей частоте. Причем каждое дерево имеет как бы свой ЯЗЫК. Например, дубу свойственна высшая степень мужества, силы, величия, твердости духа. Клен – образ стройности, романтичности. Береза, конечно же, олицетворяет красоту, нежность, печаль и грусть, девическую чистоту, одновременно и плачущую, и ликующую женскую душу. Ива – обычно "плакучая" меланхолическая, идиллическая...

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ и ПТИЦ в литературе – зеркало гуманистического самосознания человека. Причем образы коня, собаки, волка и змеи в татарской поэзии наиболее часто встречающиеся. А из птиц наиболее "ключевое" значение имеют лебеди, дикие гуси, соловьи, жаворонки, журавли, голуби.

Улетают, улетают с криками
Гуси от осенних облаков...

С.Сулейманова. Перевод *И.Волобуевой*

Ты улетаешь вместе с лебедями...
Как сердца боль мне, подскажи, унять?

Ильдар Юзеев. Перевод *Ю.Щербака*

Ржание коней...
Костров свеченье...
Воздух свежий, будто бы кумыс.

М.Хусаин. Перевод *В.Савельева*

КАРТИНЫ ПРИРОДЫ

Поэты самых разных стилей и направлений часто находят поэтическое в одном и том же пейзаже – в одинаковых картинах природы. Примеров этого можно привести очень много. Причем пейзажи, как и люди, подвержены изменению настроения в зависимости от времени года, от погоды и даже от эпохи. Они могут быть идеальными для созерцания и размышлений, когда дует мягкий ветерок, где-то рядом журчит ручеек, вокруг мягким ковром растут цветы, поют птицы. (Такие пейзажи встречаются у Г.Тукая, С.Сулеймановой, Ф.Яруллина, Г.Кашапова и других). Но могут быть пейзажи и бурными, и унылыми, которые часто сопровождаются соответственными звуковыми признаками и тонами. Мастерами таких пейзажей можно считать Рашита Гарая, Назипа Мадияра, Разиля Валеева, Зульфата, Ильдара Юзеева.

Помимо реальных пейзажей, взятых непосредственно из природы, значительную роль в творчестве поэтов имеют воображаемые картины природы. Применение их нередко у Г.Тукая, Ш.Бабича, Х.Халикова, Х.Хуснуллина. Такие пейзажи изобилуют мифологической и импрессионистической фантазией, населяются необычными существами или же действия происходят в несуществующих странах. Используются и приемы смещения времени (З.Гумерова, М.Газизов, Р.Миннуллин, Р.Башар), особенно в стихах для детей.

Приведем только один яркий пример:

Наш вожатый, видно, знал
Про мечту заветную
И однажды всех позвал
К дереву...конфетному.

Х.Халиков. Перевод Л.Ханбекова

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРИРОДЫ

Значительное место в творчестве почти всех татарских поэтов занимает лирическая философия татарского национального пейзажа, которая полна размышлений о прошлом и будущем, о современной жизни, о нерешенных проблемах. Поэтические образы природы составляют основную ткань многих произведений как известных, так и начинающих писателей, потому что без них стихи как бы перестают светиться, жить, теряют свою неповторимость и прелесть. Даже если поэзия не пейзажна, то в ней обычно присутствуют воображаемые картины природы. Но все же как прекрасно, если у поэта есть индивидуальное восприятие природы:

И собрав зерна звезд золотых,
Я рассветное поле засею,
Да загрежу игрою зарниц
Над цветущей колосьев пыльюю!

Рашит Гарай. Перевод М.С.

Автор этой статьи не ставит перед собой задачи рассмотрения и углубленного изучения индивидуального восприятия природы (писательских стилей) татарских поэтов, хотя и этот вопрос еще не в полной мере освещен литературоведами и литературными критиками в печати. Однако заинтересованные читатели смогут успешно заняться этой проблемой и сами, умело используя имеющуюся в библиотеках литературу. Тем самым они продолжат всматриваться в Книгу Природы, все буквы и слова которой – травинки, капельки, песчинки, листики, звуки, блики – составляют еще не прочитанные, загадочные страницы, обещающие новые радости открытий.